

crime & private

Анна
Данилова

Белоснежный лайнер
в другую жизнь

Она бежит от него на восток
Света, но в твоем пространстве для тебя

Анна Данилова

Белоснежный лайнер

в другую жизнь

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183843

Белоснежный лайнер в другую жизнь: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-30800-2

Аннотация

Так случилось, что именно друг семьи Бантышевых Борис Желтухин обнаружил труп Ирины в квартире, причем, спустя три дня после ее смерти. Муж и дочь покойной в это время отдыхали в Крыму. Они не успели на похороны, и Борис взял все хлопоты на себя. Сергей ошарашен самой трагедией и горькими упреками Желтухина, тайно любившего Ирину. Мало того, близкая подруга жены утверждает, что в гробу лежала совершенно посторонняя женщина...

Содержание

1. Опалиха. Июнь 2005 г. <i>Cynomyia mortuorum</i>	6
2. Москва. Сентябрь 2005 г. Исабель. Бантышев	9
3. Дубровник. Август 2005 г. Рита	18
4. Москва. Сентябрь 2005 г. Лиля	23
5. Москва. Лето 2005 г. Катя	30
6. Москва. Июнь 2005 г. М. Жемчужникова	39
7. Москва. Июнь 2005 г. Лиля. Желтухин.	53
Мопассан	
8. Москва. Ноябрь 2005 г. Бантышев. Катя	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Данилова Белоснежный лайнер в другую жизнь

Дорогой писатель Андрей!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое важное в жизни!

Изучайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (фот.)

1. Опалиха. Июнь 2005 г.

Synomyia mortuorum

И шампанское было куплено, и коньяк, и так любимые ею шоколадные трюфели «Mumt», не говоря уже о турфанском винограде и хамийской ароматной дыне, и теперь все это достанется им двоим – этой розовощекой и бесстыжей девке Сашке и ее хахалю, присутствие на даче которого она не сумела скрыть: просмотрела забытый на спинке венского стула полосатый красно-белый галстук, комочки темных носков под столом на кухне (вот мерзавец, дрянь!), бритву в тесной ванной комнате с налипшими на лезвии красно-медными волосками... Он к тому же еще и рыжий, как и Сашка!!! Эта пара рыжих превратила его, серьезного адвоката с солидной практикой и не менее солидными амбициями, в рыжего клоуна, в дурака...

Он гнал по ночной лесной дороге, едва успевая свернуть в черно-зеленом хвойно-зыбком пространстве в нужную сторону, чтобы не вписаться в жесткую ель... И вдруг этот звонок. Он знал, что звонит Сашка, чувствовал, кому же еще глубокой ночью, тем более что она кругом виновата, и ему бы перетерпеть, не открывать эфир, не слышать ее воркующего извинения голоса, но что-то толкнуло его и заставило все же включить телефон, прижать к уху, успеть вздохнуть...

– Немедленно приезжай и вызывай милицию... В погребке труп... Я же говорила тебе, что на даче был кто-то посторонний, что я здесь ни при чем и что не знаю, чьи под столом носки, но ты же упрямый как осел... Ты слышишь меня?...

И слезы. Она назвала его ослом, только этой женщине он мог позволить так называть себя, только ей он прощал все, вот только этого галстука с бритвой простить не смог, а ведь как завелся, аж побелел весь от злости (он мельком увидел себя в зеркале, уже в дверях, выбегая из дома, и испугался своего лица)... И вот теперь – какой-то труп в погребке! Да уж, с фантазией у этой женщины все в порядке, хорошо еще, что она не выдумала землетрясение или смерч... Он почему-то развеселился. Сладкое чувство томления и какая-то непонятная радость охватили его, когда он представил свое возвращение на дачу, Сашкин счастливый рев, россыпь ее теплых поцелуев, распахнутые, мокрые от слез глаза... Потом будет тихий ужин, вино, а потом – их любовь на широкой кровати под открытым окном, под шорох близкого, ухажущего совами леса...

Он вернулся, но нашел Сашку – рыжую, растрепанную, с потемневшими от ужаса глазами, – да не одну, а с какой-то девицей, закутанной в павловопосадский синий узорчатый платок. Сашка на ухо ему сказала, что девицу зовут Катей, что она появилась сразу после того, как он уехал, что она видела, как он уехал, потому и постучала в светящееся окно. Сказала, что ее завез в лес мужчина, от которого она убежа-

ла, что он ее чуть не изнасиловал, Катя в шоке, ей было так плохо, что Сашка, зареванная, оттого что ее бросили, решила угоститься коньячком, но потом вспомнила про водку, которая легче пьется, а водку грех закусывать трюфелями, она вышла из дома, пошла в другой конец двора, в погреб, за солеными огурчиками, распахнула дверь, показалось, что дурно пахнет, включила свет, открыла люк и начала спускаться... «Чувствую, наступила на что-то мягкое... А в нос такой запах ударил... про все забыла, даже про тебя, ирод... Труп там, понимаешь? Разложившийся... Не веришь, сам посмотри...»

И был труп, и были трупные черви *Synomyia mortuorum*, и были мрачные, непроспавшиеся люди, до утра допрашивающие всех по отдельности: мужчину, женщину и девушку...

2. Москва. Сентябрь 2005 г. Исабель. Бантышев

Исабель – гремучий коктейль из упрямой украинской и гордой испанской крови – легко подмяла под себя молодого вдовца Сергея Бантышева, успев нацепить поводок и надев на него тесный намордник, причем проделала все это с такой поспешностью, что даже удивила его самого, такого покорного на тот момент, ошарашенного смертью жены и теми последствиями, к которым не был готов ни он, ни его так и не повзрослевшая семнадцатилетняя дочка Катя. Прошло всего три месяца со смерти Ирины, а в доме все изменилось, наполнилось чужой женской одеждой, предметами туалета, посудой, коврами, словно в квартиру вселился кто-то посторонний и теперь захватывал метр за метром еще недавно принадлежавшее семье Бантышевых пространство. Катя, его девочка, инфантильная, нежная и красивая, как и ее покойная мать, почти не выходила из своей комнаты и слышать ничего не хотела о поступлении в университет, словно со смертью матери все ее планы и надежды потеряли смысл. Даже к столу не выходила, предпочитала обедать в своей комнате, куда Бантышев собственноручно относил поднос с едой. Исабель, казалось, это не раздражало, и уже за это он был ей благодарен.

Исабель, если ее обмакнуть в блестящую терракоту, была бы настоящим произведением искусства: стройна, грациозна, с копной черных кудрей... Но ее ослепительно белая кожа всегда казалась Бантышеву неестественной, неживой, покрытой слоем тонкой матовой пудры. Ни морщинки, ни пигментного пятнышка, ни складочки, вся налитая, идеальная.

Десятое сентября, поминальный обед. Бантышев рано утром съездил вместе с дочерью на кладбище, отвез букет цветов на могилу жены, а когда вернулся, понял, что опоздал, что на кухне уже клубились какие-то праздничные пряные ароматы, а на столе, в самом центре, уже устроилась супница с ледяным красным гаспаччо, рядом – хлебница с еще теплыми и издающими чесночное благоухание крутонами, а на плите в кухне в большой кастрюле булькала чапфайня... Исабель, нарядная, в пышном зеленом платье, словно поджидала гостей, а не готовила поминальный обед. Для нее смерть Ирины, по-видимому, явилась настоящим праздником, ведь теперь им не приходилось прятаться, и она поменяла статус любовницы тьюфака Бантышева на его невесту, почти жену, и мало того, что поселилась в их огромной, доставшейся Бантышеву еще от родителей квартире, так еще и собиралась расширить ее за счет соседней квартиры, которую ему, Бантышеву, предлагалось выкупить... Исабель знала, что у него есть деньги, а потому уже почти два месяца вела переговоры с постоянно ссорившимися, находящимися на грани развода соседями, предлагая им, змеища, про-

дать свою квартиру в престижном доме и разъехаться в разные стороны, купив себе жилье поскромнее, поменьше и подальше друг от друга... Бантышеву же хватало и той площади, которую он имел, и он не отказывал Исабель лишь по одной-единственной причине: не осложнять себе жизнь, не провоцировать эту испанку с кукольным личиком на скандал, шум, истерики... Он понимал, как тяжело Кате и без того выносить чужую тетку в доме. Удивительно, как она вообще дала согласие на то, чтобы отец так скоро соединился с чужой для нее женщиной. Скорее всего, она просто не соображала, когда соглашалась, или же ей было все равно...

После кладбища, вне себя от ярости, он мыл руки в ванной, подбирая про себя слова, которые он сейчас обрушит на красивую голову Исабель, собираясь высказать ей все – и по поводу ледяного томатного супа, и ненавистной ему тушеной печени, всего того, без чего не обходилась его ненастоящая и какая-то бутафорская испанка украинского происхождения. Ведь он просил ее приготовить традиционный русский поминальный обед, а не испанский: русские щи, кутью и гречку с мясом, а еще компот с бисквитом. И тут дверь ванной комнаты отворилась, Исабель скользнула внутрь, заперлась и обняла Бантышева сзади, прижала к себе, задышала горячо в затылок, мурлыча любовные слова, среди которых отчетливо проступило: соплилось...

– Что ты сказала? – он резко повернулся, чуть не уронив

свою порозовевшую от желания куклу. Глаза ее, переполненные чувством, так и сверкали. – Повтори, что ты сейчас сказала?

– Ну, Сережа, ну, пожалуйста, не смотри на меня так, а то я никогда и ничего больше не захочу... Ты когда-нибудь убьешь меня своим взглядом, разрежешь на куски... Ну, что я снова сделала не так? Все же приготовила, даже новую скатерть постелила... Ну обними меня, не смотри, а просто обними, как ты умеешь обнимать, чтобы у меня дыхание остановилось...

А хоть бы и остановилось, дура ты набитая, подумалось ему с какой-то легкостью, отчаянием.

– Я попросил тебя повторить то слово, последнее, которое полоснуло по ушам...

– Соплилось. Это печенье такое, миндальное, – она всхлипнула. – Я устала так, понимаешь? Хочу как лучше, а получается ужасно... я переживаю, нервничаю, стараюсь тебе во всем угодить, я даже поминки по твоей жене устраиваю, хотя я никогда ее не любила, она же извела тебя всего, измучила... Этот ее ненормальный образ жизни, эти ее постоянные отлучки, выстуженный дом, пустой холодильник, брошенные муж и дочка... Посмотри, как много я сделала за каких-то два-три месяца, – Исабель повернулась к нему и говорила теперь прямо в ухо, укладывая каждое слово, словно только что выглаженные, горячие простыни в шкаф, аккуратно, поглаживая его заботливо, по-женски нежно, ритмично.

но. – Квартиру привела в порядок, мебель поменяла, ковры постелила, чтобы мягко ходить было, посуду красивую купила... Все для тебя, все, а ты такой неласковый, постоянно ругаешь меня, упрекаешь меня за мою испанскую кровь... Ну разве ж я виновата, что она во мне так и кипит...

– Да врешь ты все, Исабель, просто имя у тебя такое, испанское, а кровь упрямая, как у всех хохлушек, ты хочешь, чтобы я забыл Ирину, вот и все объяснение.

– Она все равно мертвая, а я – живая, и я хочу жить с тобой, понимаешь? Живое – живым, Сережа.

– Я просил тебя щи сварить...

Он не находил в себе сил спорить с ней, понимал, что все бесполезно, что она все равно будет гнуть свое, добиваться своей испанской справедливости, что она сильная, намного сильнее его, и что она пользуется его слабостью, давит на него всем своим телом, своей уверенностью, наигранной страстью. Он не мог поверить, чтобы женщина могла хотеть его, слабого и все еще принадлежащего Ирине, и получать удовольствие от близости с ним, почти импотентом, так самозабвенно постанывать от того, что невозможно почувствовать... Она лгала с самой первой минуты их любовной связи, начавшейся еще при жизни Ирины. Это был дурацкий, лживый с самых первых слов и прикосновений роман, которого он стыдился, но ничего не мог поделать. Понимал, что Исабель играет им, что она чего-то хочет... Но тогда была жива Ирина, и что Исабель могла получить от Бантышева, кроме

букета цветов и шоколада? Даже поцелуи его были пресными... Если бы Ирина умерла не от перитонита, то Бантышев мог бы предположить, что Исабель ее убила... Хотя – зачем? Разве мало в Москве красивых молодых мужиков? Может, поверить в ее любовь? И тогда все встанет на свое место...

– Исабель, что за хреновина в супнице? – На кухне появилась бледная, с измученным лицом Катя. Узкое черное платье, в волосах – черная лента.

– Это гаспаччо, томатный суп, ты же знаешь, – Исабель, вместо того чтобы разрыдаться от непонимания людей, с которыми она жила и которые наотрез отказывались принимать ее образ жизни и ее томатные супы, все еще продолжала делать вид, что любит и Бантышева, и Катю. Да уж, терпения ей не занимать. Вот ослица!

– А где же щи? Скоро люди придут, а ты тут со своими испанскими фантазиями... Сама хлебай, а я поставлю вариться бульон...

– Катя, ты уже не успеешь, – вздохнул Бантышев.

– Да ведь это же стыдно...

– Перед кем это вам, интересно, будет стыдно? Мать ее все равно не придет, ее больше интересует капуста на грядках да свиньи, которых она выращивает. Будет ваш большой друг Желтухин да пара соседок...

– А что, Борис будет? – оживился Бантышев.

После смерти Ирины отношения между друзьями охладели. Так случилось, что это именно он обнаружил труп Ири-

ны в квартире, причем спустя три дня после ее смерти в результате гнойного воспаления аппендицита. Труп пролежал в жаркой квартире три дня... Бантышев с Катей в это время отдыхали в Крыму. Они не успели вовремя вернуться, и Борис взял все хлопоты, связанные с похоронами Ирины, на себя. Впечатлительный от природы, да к тому же еще и отчаянно влюбленный в Ирину, он винил в ее смерти только Бантышева. «Ты никогда не любил ее, она была так одинока... Пока ты шлялся по ресторанам с этой испанской хохлушкой, она погибала от тоски... Ее Бог взял, понимаешь ты или нет? Он не мог смотреть на ее мучения и прибрал ее к себе... И мне она не досталась...» Потерять в одночасье и жену, и лучшего друга? Для Бантышева это оказалось тяжелым испытанием. Но Бориса он все же вернул, пригласил к себе через месяц, они много выпили, рыдали, как дураки, обливаясь слезами, а в это время Исабель уже успела перевезти в квартиру два своих туго набитых кружевными трусиками и юбками чемодана... Но Борису было уже все равно, и он приходил к Сергею скорее по привычке, не мог не приходить...

– Он что, звонил?

– Звонил, – закивала головой Исабель, обрадованная тем, что хотя бы этим известием обрадует своего умирающего от тоски возлюбленного. – Два раза звонил...

– Катя, это правда?

– Правда, папа, правда. Только не понимаю, чему ты так

удивляешься? Дядя Борис твой лучший друг.

Они ничего не знала об усложнившихся отношениях между ее отцом и Желтухиным, а потому не могла понять его радости. Сама же она испытывала к Борису чувство великой благодарности за то, что он сам, лично, без посторонней помощи, не растерявшись, похоронил ее мать и даже поставил ей за свои деньги приличный мраморный памятник.

– Если будет Борис, значит, и ваша соседка, Лилька, прищипнется, – усмехнулась вконец успокоенная Исабель и тряхнула кудрями. – По-моему, она равнодушна к Борису...

– Не говори глупостей, Лиля придет исключительно из-за мамы... – взвилась Катя. – Помянуть.

– Вот только не надо мне говорить, что они были подругами!

– Исабель, это не твое собачье дело, – огрызнулась Катя. – И вообще, все, что касается нашей мамы, не должно касаться тебя. Скажи спасибо, что тебя здесь терпят... Тебе же жить негде!

И сразу стало очень тихо. Легенда Исабель покачнулась, словно из-под нее вынули опору... До этого момента она «владела» большой квартирой на Остоженке, куда никого не приглашала, пока якобы не закончится ремонт... Бантышеву-то было все равно, он верил каждому ее слову, да и встречались они при жизни Ирины в гостинице, которую он безропотно оплачивал. Связь с хорошенькой и вздорной женщиной скрашивала его унылую мужскую жизнь, вносила в

нее разнообразие, Исабель представлялась ему ходячим миниатюрным театром антреприз.

– Что за вздор ты несешь?! – Исабель гордо вскинула голову и сощурила свои неестественно большие глаза. Красные губы ее при этом полуоткрылись, обнажив белоснежные резцы... Она была на редкость хороша в эту минуту, даже Бантышев, эстет в глубине души, не мог не восхититься ею.

– Мне подружка рассказала, как тебя выперли из театральной общаги... Да ты расслабься, живи себе, только не утомляй нас своими испанскими бреднями, тем более что никакая ты не испанка, только одно имя, скажи спасибо своей маме... Красивое имя, я бы и сама не отказалась от такого...

Бантышев облегченно вздохнул. Кажется, Катя приходит в себя...

– Как называется эта вкуснота? – Катя машинально взяла с тарелки печенье, аппетитно захрустела им, закивала головой, одобряя и снова запуская руку в гору печенья.

– Соплильос. Миндальное печенье... – отозвалась охрипшим (от внезапно нахлынувшего на нее счастья в виде признания ее национально-кулинарной политики) голосом зардевшаяся испанка.

3. Дубровник. Август 2005 г. Рита

– Знаете, моя дорогая, а ведь это настоящий рай...

Дама в соломенной шляпе ела сливы и любовалась блестящим на полуденном солнце морем. Рита лежала рядом, подставив солнцу блестящее от крема, не слишком загорелое стройное тело. Под толстым мохнатым полотенцем чувствовалась жесткость гальки, и Рита вспомнила, как Оливер расхохотался, услышав ее, Ритино: «Это чтобы жизнь медом не казалась?» Да уж, все было слишком хорошо, слишком по-райски, как заметила и эта русская дама, отдавшая в это лето предпочтение ласковому Адриатическому морю и изысканному, и в то же самое время – лишенному всяких излишеств, оранжевому от теплых черепичных крыш Дубровнику с его толстыми крепостными стенами и белыми башнями, дворцами и храмами, узкими, мощенными камнем улочками, итальянскими фонтанами на небольших уютных площадях и величественной церковью Святого Влаха, не говоря уж о знаменитых галечных пляжах и ресторанах, где подаются вкуснейшие устрицы, мидии и нежная ягнятина...

– Да, мне тоже здесь нравится... – ответила Рита, не открывая глаз и чувствуя, как горячие солнечные лучи согревают ее и наполняют силой. Она вдруг легко поднялась и потянулась, раскинув руки, глубоко вздохнула, как человек, вне-

запно ощутивший все свое счастье.

– Хорошо быть молодой и красивой, – заметила дама, тоже вздохнув, но с нотой сожаления об утраченной молодости, и выплюнула сливовую косточку в бумажный пакетик. – Вы замужем?

– Да.

– Давно отдыхаете здесь?

– Я здесь живу, – Рита улыбнулась старухе и скользнула взглядом по ее сверкнувшей на солнце, густо обмотанной золотыми цепями шее. – Как на вас много золота... Не боитесь, что вас ограбят?

– Вы шутите, дорогая... разве в моем возрасте можно чего-либо бояться? А что до золота... Оно полезно для здоровья, чем больше на человеке золота, тем он будет здоровее. Это мое твердое убеждение. Я понимаю, на мне миллион цепочек, и все они из разного золота: желтого, красного... Я покупаю золото везде, где бываю, и надеваю на шею, хожу вот, шокирую людей... Но мне все равно, что обо мне подумают... Главное, что это золото... Да и вообще, по-моему, так красиво...

– Красиво, мне нравится...

– Вы сказали, что живете здесь, в Дубровнике... Но как вы оказались здесь? Кто, если не секрет, ваш муж? Хорват? Югослав?

– Англичанин, его зовут Оливер.

– Как Оливера Твиста? Хотите сливу?

– Нет, спасибо.

– И давно вы с ним познакомились?

– Давно.

– И что же, он англичанин, а живет здесь?

– Мы живем здесь только три летних месяца, хотя иногда, вот как в этом году, из-за тепла и хорошей погоды задержались до поздней осени... Он прямо отсюда руководит фирмой, а вообще-то у нас дом в Лондоне...

– И дети есть?

– Да, сын.

– И где он сейчас?

– Дома, в Лондоне... Отдыхает от нас, а мы – от него... Шутка, конечно, на самом деле он уже большой мальчик и увлекается компьютерами, разбирает их, собирает, сутками просиживает перед экраном... Но уже через две недели полетит с двоюродной сестрой в Париж, изучать французский... Думаю, там заодно и отдохнет, как отдыхают все нормальные парни: дискотеки, бары...

– До замужества вы жили в России?

– В Москве...

– И когда в последний раз там были?

– Честно говоря, давно... И очень жалею об этом... – голос Риты дрогнул.

– У вас там кто-то остался? Родители?

– Думаю, что теперь уже... никто... У меня там жила сестра, родная, но она недавно умерла... Так неожиданно... Она

была совсем молодая...

– Вы извините меня, я что-то слишком много задаю вопросов... – смутилась дама.

– Смерть ее была неожиданной... Ей стало плохо, а дома никого не оказалось... Пустяк, казалось бы, аппендицит, но Ирочка не смогла даже вызвать «Скорую»... Ее обнаружил друг семьи, который не знал, что муж и дочка Ирины в Крыму, приехал, а дверь оказалась незапертой... Вошел, а она, бедняжка, пролежала в квартире уже три дня... Ужасная смерть, отвратительная... Он и похоронил ее...

– Боже, какую страшную историю вы мне рассказали...

– А я так хотела, чтобы она к нам приехала, так хотела...

Так что теперь у меня в Москве племянница...

– ... и зять...

– И зять. Но он мужчина и сам сможет о себе позаботиться. А Катю я возьму к себе, если, конечно, она согласится...

– Почему бы ей не согласиться? Чем ей будет здесь плохо?

– Мой муж ничего не знает о моей сестре...

– Почему?

– Так получилось... Ну что, искупаемся? А то что-то жарко стало... Вас как зовут-то?

– Ольга Михайловна. А вас?

– Рита. Рита Пирс. Вы приходите завтра в это же время, мы прямо отсюда поедem ко мне, я покажу вам дом... У нас с террасы открывается такой вид... сами увидите... Я бы и сегодня вас пригласила, но Оливер должен приехать за мной

с минуты на минуту, и мы отправляемся с ним в гости...

Ольга Михайловна тяжело поднялась, сняла шляпу и повесила ее на крючок под широким полотняным зонтом.

— Как жаль, действительно, что ваша сестра не успела здесь побывать... Дело в вашем муже?

4. Москва. Сентябрь 2005 г. Лиля

Лилия тщательно готовилась к встрече с Борисом Желтухиным. Будь ее воля, она надела бы свое лучшее красное платье, но к Бантышевым полагалось идти в трауре, во всяком случае, в чем-то глухом, темном, и уж никак не с открытой грудью. А грудь у Лили была полной, красивой, и она по жизни не собиралась ее скрывать. Разве что у Бантышевых, и только сегодня.

С Лилей в последнее время было что-то неладно, но что именно, она пока не могла взять в толк. То ли галлюцинации, то ли фантазии. Внешне очень привлекательная молодая женщина, она тем не менее очень страдала от недостатка мужской ласки. И все потому, что Лилия не собиралась заменяться на мимолетные, оставляющие глубокий след в ее нежной душе романы и связи, ей хотелось иметь постоянного мужчину, пусть даже и женатого и не слишком молодого. Ну и что, что она носила кофточки с глубоким вырезом и красила волосы в огненно-рыжий цвет? Это вовсе не свидетельствовало о ее легкомыслии или доступности. Да, она стремилась к тому, чтобы привлечь к себе внимание мужчин, но все равно – красно-оранжевые тона, как ей казалось, призваны были согреть ее, не давать превратиться в ледяную статую, не более того... Быть может, поэтому внимание Бориса Желтухина, проявленное им в первый же вечер зна-

комства (это произошло как раз в день похорон Ирочки Бантышевой, Лиля много выпила, разрыдалась на плече незнакомаго печального мужчины, и он долго успокаивал ее уже у нее дома, они разговорились, и Лилия, помнится, рассказывала о том, как несчастна была покойная со своим мужем, ведь она, Лилия, была ее маникюршей, и Ирочка нередко приходила к ней сделать маникюр с опухшим от слез лицом), показалось ей хорошим знаком. Так и случилось. Уже на следующий день Борис пришел к ней с букетом цветов и прямо на пороге, целуя ее в жирный от крема лоб (она так и не простила себе такого промаха – надо же, открыла дверь с маской на лице, даже не взглянув в глазок!), сделал предложение! Она была настолько потрясена его поступком, что не помнила себя от счастья... Да, они были мало знакомы, всего-то пару часов, но, вероятно, она сумела и за этот короткий срок произвести на него такое впечатление, что всю ее сущность он домыслил уже дома, все хорошенько обдумал и решил, что ему для жизни нужна именно такая женщина, как Лилия... А ведь он не знает, подумалось почему-то тогда Лиле, как она хорошо готовит, какая хорошая хозяйка и вообще – верный и не подлый человек!

Она извинилась за крем на лице и помчалась в ванную – приводить себя в порядок. Поручила Борису отнести цветы на кухню и положить на стол, чтобы не держать в руках, а она мигом... Не могла же она возиться с цветами с таким белым, жирным лицом... Но когда Лилия, умытая, в красивом розо-

вом халате, вернулась из ванной, никого в квартире уже не было. Даже букет исчез, словно его и не было... Она подошла к двери – дверь оказалась запертой. Ни записки Желтухин не оставил, ничего, чтобы как-то объяснить свое поведение... Да и был ли он вообще? Не придумала ли она его визит? С какой стати ему просить ее руки, когда они едва знакомы?! Вот, значит, как устроена голова, мозги, сознание, вот, значит, какую злую шутку может сыграть с одинокой женщиной не в меру разгулявшаяся фантазия! Ей было жалко до слез, что Борис ей почудился, привиделся. И она решила забыть об этом, просто не думать. Но не выдержала и рассказала о том, что с ней случилось, причем со смехом, своей лучшей подруге... Та, в свою очередь, тоже поделилась с ней историей о домовом, с которым она, по ее словам, провела ночь («Моя сестра снимала тогда комнату в частном доме, я приехала к ней в гости, мы с ней полночи проговорили, потом она уложила меня спать в маленькую темную комнатку без окон... Чувствую ночью, кто-то ложится рядом со мной, потом переваливается через меня, страшно тяжелый, к стенке; мне страшно стало, но я и глаза открыть не могу и кричать – тоже... Проснулась, рассказываю сестре. А она смеется и говорит, что это домовый был... А мне до сих пор кажется, что это был хозяйский сын, пятидесяти лет, такой лысый, ненормальный, с идиотской улыбкой на лице, хотя сестра уверяет меня, что комнату она на ночь всегда запирает на крюк...»).

И тут Борис приходит к Лиле еще раз, ровно через три дня.

На этот раз без цветов, но с тортом. Красивая такая коробка, перевязанная бечевкой. Стоит он на пороге, значит, и спрашивает – решила она или нет, выйдет ли она за него замуж или нет... Она подошла к нему, взяла из его рук коробку и посмотрела ему в глаза. Мужчина как мужчина. Живой, теплый, ведь когда она брала торт, то коснулась его пальцев, они были настоящими! «Да, Борис, я согласна», – сказала она на всякий случай, подумав про себя, что, быть может, на этот раз все происходит в реальности. Борис обнял ее и поцеловал. Ей было так приятно, так приятно, что она аж зажмурилась. А когда открыла глаза... Слава тебе, господи, он стоял все так же перед ней и счастливо улыбался. Лиля пригласила Бориса войти, усадила в комнате в кресло, торт оставила на столе, а сама отправилась на кухню – включать электрический чайник... Надо ли говорить, что, когда она вернулась в комнату, ни Бориса, ни тем более торта уже не было... Она позвонила своей лучшей подруге и рассказала о случившемся. «Лилечка, тебе надо к врачу... Цветы еще пережить можно, но торт – это уже слишком... Ты что, влюблена в этого Желтухина? Он хотя бы интересный мужчина? Богатый? Что это ты так на нем зациклилась?» Как было ответить на этот вопрос? Лиля положила трубку, и в эту же минуту раздался звонок. Телефонный звонок. Она аж подскочила от неожиданного и резкого, как ей тогда показалось, звука... Осторожно взяла трубку и услышала знакомый до боли голос:

– Лилечка? Привет, это я, Борис. Ты как? В порядке?

У нее мороз пошел по коже. Да, она в полном порядке, полнее не бывает... Борис поинтересовался, можно ли к ней зайти, а то он все без предупреждения... Они договорились о встрече: вечером, в шесть. Но он не пришел. И не позвонил. Прошло три дня, и вот теперь они непременно уж должны встретиться у Бантышевых на поминках. Прошло три месяца со смерти Ирочки... Он не мог не прийти, ведь он друг Сергея, причем единственный друг...

Лиля взглянула на себя в зеркало в последний раз. Скромная, хотя и обтягивающая ее необъятную грудь «водолазка» темно-вишневого цвета, узкие темные брюки, рыжие волосы стянуты широкой шелковой лентой. Бледное напудренное лицо, немного розовой помады на губах и огромные, чем-то испуганные глаза... Чем?... Лиля была так красива в эту минуту, что готова была пережить еще одну из своих таких реалистичных фантазий: она готова была даже отдаться Желтухину сразу после обеда, тем более что последствий – никаких, это же игра воображения...

Но все ее эротическое настроение как водой смыло, когда она увидела в дверях соседской квартиры просто-таки сногшибательную Исабель. Во всем черном, с мертвенно-бледным лицом и кроваво-красным ртом. Ну, точно вампирша. Вцепилась своими крепкими зубами в Бантышева, пьет из него все соки, вытряхивает все деньги...

– А-а... Лилечка? Проходите, мы вас ждем...

Куда приятнее было бы увидеть на пороге Иру. Такую естественную, улыбающуюся, приветливую, живую... У Лили наступила запоздавшая реакция, когда она вдруг поняла: только что, спустя три месяца, что Иру-то она больше никогда не увидит! Что она все-таки умерла, ушла из жизни, оставив сироту-дочь и неприкаянного, запутавшегося в своих отношениях с корыстной псевдоиспанкой Исабель Сергея. Как же она могла? Почему не вызвала «Скорую», когда у нее заболел живот? Какая же глупая смерть! От какого-то там аппендицита! Ком застрял в горле Лили, а на глазах выступили слезы.

– Лиля, привет! – Катя появилась за спиной Исабель, взяла Лилию за руку и повела за собой. Потом резко повернулась и клюнула ее в щеку. – Как хорошо, что ты пришла. Вот теперь все в сборе. Думаю, что можно начинать...

В сверкающей от солнца комнате стоял накрытый стол, за которым сидел Бантышев, сильно похудевший, какой-то серый, с розовыми глазами, рядом с ним – Борис, а перед ними стояли тарелки, наполненные, как показалось Лиле, алой, ну прямо-таки артериальной кровью...

– Это гаспаччо, – шепнула на ухо Лиле Катя. – Наша Исабель приготовила испанский поминальный обед, мать ее...

– Знаете, а у меня на плите горячие щи... – вдруг произнесла Лиля и спросила себя, наяву ли все это происходит или же с ней снова творится что-то непонятное. – Ирочка любила наши щи, русские... Хотите, пойдемте все ко мне...

Бантышев поднял на нее глаза и, как показалось Лиле, облегченно вздохнул:

– А что, Борис, пойдем к Лиле... А ты, Исабель, не обижайся... Ты же иностранка, тебе все равно не понять...

Все как-то очень поспешно, словно боясь, что Лилия передумает, бросились к выходу, прошли чуть ли не строем мимо позеленевшей Исабель...

– Чучело, прихвати кутю, – слышался звонкий Катин голос, обращенный к Исабель, и Лилия в очередной раз спросила себя: в действительности ли в комнате никого не осталось, кроме Исабель, или же ей это только кажется...

Но вечером она, реально обжигаясь намеренно горячей водой (чтобы прочувствовать до ожогов на руках, пусть!), мыла гору тарелок, а в кухне за столом, в двух шагах от нее, сидел и пил водку Сергей Бантышев. Не Желтухин, нет, а именно Бантышев. Все знали, что Исабель перед тем, как уйти, громко хлопнув дверью, устроила в квартире погром: побила посуду, вылила на ковер в гостиной томатный суп и сорвала зачем-то с окон новые портьеры... А еще позже Бантышев спал в Лилиных руках, как большой и уставший от слез ребенок... И утром он никуда не исчез, только повзрослел и был с ней необычайно нежен и ласков...

5. Москва. Лето 2005 г. Катя

Иногда она просыпалась среди ночи и спрашивала себя: как же ей жить дальше? Зачем? И как такое могло случиться, что сначала ее покинула мама, а потом исчез тот, которого она любила больше всего на свете?

Мама. Она всегда была рядом, всегда дышала, смеялась, ходила где-то тут, поблизости, она была словно частью Кати, к ней всегда можно было подойти и о чем-нибудь попросить, что-то рассказать, о чем-то спросить, позвонить ей, наконец, на работу, если ее не оказывалось дома. Утром Катя получала чашку какао из маминых рук, тарелку каши (в семье Бантышевых все любили молочные каши), мамин голос звенел по всей квартире, она присутствовала словно одновременно во всех комнатах, повсюду мелькал ее халатик или так шедший ей голубой свитер... Даже в ту тяжелую пору, когда Катя поняла, что отец изменяет матери, мама делала вид, что в семье ничего не происходит, на лице ее была улыбка, хотя и вымученная, болезненная... Что поделать, словно читалось в ее взгляде, обращенном к дочери, рано или поздно это случается почти во всех семьях, где мужчине становится скучно и его тянет на подвиги. Тень Исабель появилась на пороге, как тень безжалостной старухи с косой, хотя это и была тень молодой и красивой девки-авантюристки, выдающей себя за полукровку-испанку. Связь отца с другой женщиной невоз-

можно было скрыть: время от времени отец показывался с Исабель на каких-то вечеринках, в театрах, словно ему и в голову не приходило, что их могут заметить и передать жене. Не может быть, думала Катя, чтобы отец был настолько жестоким, чтобы хотя бы не стараться скрыть свою любовницу. Неужели он совсем ослеп от своей страсти, или же эта мерзавка нарочно водит его по таким местам, где бы их могли увидеть вместе и доложить жене?

То, что Исабель положила глаз на отца как на потенциального мужа, Катя узнала из вторых рук: подружка Исабель оказалась дружна с подругой мамы, женщиной, которая, прознав про это, сочла своим долгом рассказать обо всем брошенной жене, жертве. Вечером того же дня мама зашла в комнату к Кате, села на диван, сложила покорно руки на коленях и, опустив голову, заплакала. Сказала сквозь слезы:

– Твой папа, Катя, встречается с женщиной, которая собирается выйти за него замуж. Это означает, что не сегодня-завтра он заявит мне о разводе... Но я не хочу развода. Я все это время терпела, надеялась, что он просто увлекся этой девицей, что пройдет какое-то время, и он ко мне вернется... Скажу тебе, мне было нелегко терпеть в нашем доме пусть и невидимое, но все равно присутствие чужой женщины. И теперь я просто не знаю, что мне делать... Если он любит Исабель, пусть уходит к ней, а меня оставит в покое... Пусть убирается вместе со своими вещами, компьютерами,

машинами... Мне будет достаточно нашей квартиры. Но если он не любит ее и просто идет у нее на поводу, как слабый человек, то я должна буду ему помочь открыть глаза на эту псевдоиспанку...

— Мама, но ты же тоже не любишь папу. Ты совершенно не обращаешь на него внимания. Ты словно живешь какой-то своей, обособленной жизнью, думаешь, это не заметно? У тебя отсутствующий вид, ты не следишь, наконец, за собой... Посмотри на себя в зеркало, на кого ты стала похожа! Ты возвращаешься с работы позже всех, даже позже папы, причем у тебя такой вид, словно ты разгружала вагоны...

— А как, ты думаешь, должна выглядеть женщина, которую бросил муж? Радоваться жизни? Нарядиться, краситься и постоянно улыбаться? И вообще, Катя, разве я не улыбаюсь тебе?

— Улыбаешься, хотя это с трудом можно назвать улыбкой...

Катя потом, после того как мамы не стало, не могла простить себе этого разговора, этих беспочвенных упреков. Как она могла упрекнуть маму в нелюбви к отцу, когда она ничего об этом не знала! Мама страдала, болела своим несчастьем, у нее и перитонит-то случился, скорее всего, на нервной почве, а Катя, единственный близкий ей человек, посмела упрекнуть ее в том, что она не следит за собой... Если бы она тогда понимала, что происходит с брошенной женщиной, как она страдает, как мир меркнет вокруг, когда ис-

чезает мужчина, которого любишь! Даже если он просто не звонит, не дает о себе знать – время останавливается, и минуты превращаются в часы, а то и в сутки... Пропадает аппетит, и все тебя раздражает... Ты все понимаешь, что должна встать и пойти в ванную, принять душ, вымыть волосы и привести их в порядок, накраситься и придать своему лицу выражение если не счастья, то хотя бы умиротворения, ведь ничего же особенного не случилось, ну не позвонил тот, кого ты ждешь и о котором постоянно думаешь, но мир-то не перевернулся, не война же, не землетрясение... Ты понимаешь, но ничего не делаешь, продолжаешь лежать пластом на кровати, прислушиваясь к звукам на лестнице: не хлопнула ли дверца лифта, не слышно ли звука близких шагов... Хотя она не представляла себе, что могло бы такого произойти, чтобы мужчина, от голоса которого у нее начинало мутиться в голове, сам пришел к ней и позвонил в дверь... Никогда еще его не было у нее дома. Его не видел никто: ни мама, ни отец... Хотя и знали, что у нее появился парень. Парень! Да он взрослый мужчина, намного старше ее, и красивый до умопомрачения, до судорог... При взгляде на него она начинала всегда говорить разные глупости, а то и просто нести всякий бред... Она не понимала, что с ней происходит. Она любила его как-то очень нехорошо, сильно, отдавая этой любви все свои силы без остатка и не получая взамен ничего, кроме вежливых знаков внимания... Он даже не целовал ее, объясняя свое воздержание тем, что видит в

ней, в Кате, ангела... Нетронутого, чистого, непорочного... Катя проклинала в такие минуты свою девственность и свое неумение держаться с мужчиной.

Было время, когда они встречались почти каждый день. Гуляли по Москве, Валерий, так звали ее возлюбленного, водил ее по магазинам, покупая какие-то милые вещицы, украшения, цветы, по ресторанам, где кормил чуть ли не с рук, как подобранного на улице щенка... Если бы он только сказал ей, что любит ее, что хочет ее, она бы сделала все, о чем бы он ее ни попросил, отдалась бы ему даже в машине (она одновременно и хотела и страшно боялась этого), даже привела бы его к себе домой, в свою комнату, чтобы сделать это на своей кровати... Но Валера был очень осторожен с ней, говорил, что относится к ней с нежностью и боится дотронуться до нее, потому что она – цветок... Цветок, ангел... А ей хотелось объятий, поцелуев, любви. Она сходила с ума, представляя себе, как Валера, расставшись с ней вечером, отправляется к какой-нибудь женщине, которую он любит уже другой, взрослой мужской любовью, и держит ее в своих объятиях до самого утра...

Смерть мамы была катастрофой, кошмаром, за которым, казалось, уже нет ничего... Пропать, бездна. Но как же она ошибалась! За смертью мамы последовала череда таких странных, окрашенных в черные тона событий, после которых, Катя была в этом просто уверена, просто не стоит жить.

Но она все еще жила и даже находила в себе силы разговаривать с Исабель... Ее никто и никогда не спрашивал, как она вообще допустила такое, чтобы почти сразу же после ухода мамы в квартире поселилась любовница отца, но, если бы и спросили, она ответила бы просто, двумя словами: ради отца. Она так боялась потерять отца, что, приведи он в дом хоть целую стаю хищниц, Катя сама распахнула бы перед ними двери: живите, только любите моего отца и дайте ему силы жить дальше. Благодаря такой вот философии юной сироты охота Исабель – к удивлению окружающих – благополучно завершилась, и она без труда заняла место жены в доме Сергея Бантышева, человека неглупого, небедного и нестарого...

Катя знала, что отец ее владеет крупной сетью салонов связи, что он довольно-таки состоятельный человек, что их семья никогда и ни в чем не нуждалась, поэтому стремление Исабель сделаться его женой было понятно. Другое удивляло Катю: почему после смерти мамы в их доме стали появляться ее знакомые и родственники, которые после дежурного выражения соболезнования вежливо, приглушенными голосами просили отца вернуть мамины долги (а одна знакомая так вообще попросила вернуть какие-то розовые туфли). Как так могло случиться, что отец, который, как полагала Катя, был одинаково щедрым и к ней, Кате, и, само собой разумеется, к матери, мог допустить такое? Неужели его роман с Исабель обернулся для мамы не только самим фактом измены со все-

ми вытекающими из этого переживаниями, но и материальной блокадой? Иначе как объяснить эти долги? Отец молча отдавал деньги (туфли они с Катей так и не нашли, всю квартиру перерыли, он заплатил за них маминой знакомой сто долларов), стараясь при этом не смотреть в глаза кредиторам, испытывая стыд, возможно, и за них, не сумевших проявить терпение и такт, и за себя, заставившего жену влезать в эти самые непонятные долги... Мама работала в отделе рекламы там же, в головном офисе, у отца, и, вероятно, получала не такую уж и маленькую, если учитывать ее положение, зарплату... Или же отец стал платить ей меньше? Катя, при всем своем непонимании этой некрасивой и унижительной для всей семьи истории с мамиными долгами, никогда бы не опустилась до расспросов... Если отец захочет, то сам расскажет ей, быть может, даже признается в чем-то... Но время шло, в доме поселилась наглая и напористая, как танк, Исабель, а вопрос о маме, о той ее жизни, которой она жила перед своей смертью, повис в воздухе... Одно Катя знала точно: никому не было дела до нее самой... Отец встречался с Исабель, мама страдала от его измены и потихоньку сходила с ума от горя, а Катя... А Катя влюбилась во взрослого мужчину и не знала, как ей себя с ним вести... Сказать, что она изнемогала от любви к нему, это не сказать ничего – она умирала от любви, она не могла спокойно ни есть, ни спать, ни заканчивать школу... Все валилось из рук, а все мысли и чувства были направлены на Валеру. Даже звучание

его имени казалось ей волшебным, удивительным, мелодичным, музыкальным, чудесным, эротичным... Это был высокий худощавый брюнет со впалыми щеками, красивыми темными глазами и большим ртом. От звука его голоса хотелось стонать, плакать... Катя не понимала, что с ней происходит. Ее томление выпивало из нее все силы.

Они познакомились случайно, на улице, он что-то спросил, она что-то ответила, и он предложил проводить ее до подъезда. Она несколько не испугалась, да и как она могла испугаться мужчину, который смотрел на нее так, что она не помнила потом, как вообще доплелась до квартиры... Сердце ее билось где-то в горле, руки дрожали, а колени и вовсе ослабли... В мокрой ладони была зажата записка с номером его телефона. Но она-то знала, что никогда ему не позволит. Просто не посмеет. Этот мужчина, она понимала это каким-то внутренним чувством, создан для того, чтобы любить других, более зрелых и красивых женщин. Ей же достаточно одного его взгляда, голоса... Она не сможет даже при всем желании любить его так, как он, вероятно, привык, как понимает любовь. Он лет на пятнадцать старше, если не больше. И дело даже не в крупных, мимического происхождения, морщинах в уголках глаз и на лбу, а во всем его облике и в той энергетике, которую она ощутила уже в первую встречу. Кате казалось, что ее кровь сворачивается от его взгляда, что она тает рядом с ним... А ведь они всего-то перекинулись несколькими фразами: «Ты здесь живешь?», «Хочешь,

позвони, если что...», «Тебя как зовут-то, заяц?», «Продиктуй телефон, я запомню...»

Он разве что не погладил ее по голове, как маленькую...

А потом он позвонил. И еще раз, и еще... Они встречались, гуляли по Москве, он держал ее, опьяневшую от его присутствия, за руку, покупал мороженое... Она потом ночь напролет вспоминала каждое произнесенное им слово, каждый брошенный на нее взгляд, улыбку...

Первый раз он поцеловал ее в метро. Была ночь, на станции – ни души. Они сидели на скамейке в ожидании электрички, и вдруг Валера обнял ее, с силой прижал к себе и сначала поцеловал в висок, а потом... нежно так, осторожно, словно боясь испугать, – в щеку... Когда он целовал ее в губы, она задыхалась, ей не хватало воздуха, она умирала в его крепких сильных руках...

А потом была Опалиха...

6. Москва. Июнь 2005 г.

М. Жемчужникова

Она не сразу поняла, что осталась совсем одна. Вернулась из больницы к себе, в пустую, пыльную, залитую солнцем квартиру и дрожащими руками взяла в руки телефон, положила на колени. Сердце колотилось, словно предчувствовало что-то нехорошее. Она знала, что между ними что-то произошло, между ней, Маргаритой Жемчужниковой, и Валерием. Какая-то недосказанность, непонимание чего-то очень важного. Не сразу подступило чувство, похожее на надежду: в больнице она его ненавидела и дала себе слово, что, как только выйдет, придет к нему, чтобы последний раз посмотреть на него, сказать все, что она пережила, и, конечно, забрать свои деньги. Ведь это из-за него она попала в больницу, ведь это его ребенка она потеряла! Для женщины это трагедия, для мужчины, особенно для такого, как Валерий, – освобождение от надвигающейся ответственности... Хотя он никогда не был ответственным, и ему было глубоко наплевать на этого ребенка. Когда он услышал о нем, то замолчал, надолго. Видимо, думала Маргарита, принимал решение. И принял. Забыть о нем, о ребенке, словно и не было этого разговора, словно Маргарита и не спрашивала – оставить его или нет. Был вечер, они сидели на диване и пили

пиво. Все как обычно. По телевизору шел футбол, Маргарита откровенно скучала. Боялась, что скажет ему о своей беременности, а он не услышит из-за матча, отмахнется рукой, мол, не мешай. Грубость, с которой он обращался с ней, становилась привычной, и Маргарита внушала себе, что должна принимать своего возлюбленного таким, каков он есть. Хотя это было нелегко, но она работала над собой, находила какие-то доводы, убеждала себя в том, что под внешней грубостью скрывается его глубоко запрятанная и обращенная только к ней, к Маргарите, нежность и, быть может, даже любовь. Иначе зачем он вот уже два года с ней, почти каждую ночь проводит в ее постели, спит, крепко прижавшись к ней, как к близкому и родному человеку? Значит, она – лучше всех тех, кого он знал до встречи с ней и кого он видит и знает сейчас. Сознание этого подогревало ее чувство к нему, и она не ощущала себя одинокой, как прежде, когда не была знакома с Валерием. Мысль о том, что он просто использует ее, ей в голову не приходила. Маргарита воспринимала его как своего мужа хотя бы потому, что он строил с ней совместные планы, точнее, один-единственный план, связанный с большими деньгами, которые он скоро заработает и с помощью которых они вместе уедут в Америку. Вопрос, который он время от времени задавал ей, – «Ты дождешься меня, если меня посадят?» – воспринимался Маргаритой так же, как и другой, волнующий ее вопрос: «Ты любишь меня?», и ответ ее был всегда и неизменно один, весомый, перепол-

ненный любовью: да, да, да... И они оба знали, что она любит его и дождется его возвращения, куда бы ни забрасывала его судьба, что бы с ним ни случилось. Мужчинам непременно нужна такая женщина, как спасательный круг...

...По зеленому полю бегали человечки, гонялись за мячом, и Маргарита спрашивала себя, что же это за игра такая, из-за которой мужчина не замечает сидящую рядом женщину, сидит, уставившись на экран, и хмурит брови... На кухне варился суп, в духовке томилось мясо, в квартире пахло теплом и уютom, семейной жизнью. Валера в шортах и майке полужелал на диване, на губах его, которые Маргарита так любила, блестела пивная влага... Она подумала о том, что, исчезни она сейчас, испарись, он даже обрадуется, тогда ему не придется выслушивать ее и вообще – обращать на нее внимание. Он вспомнит о ней в перерыве между таймами матча, в рекламной паузе, когда захочется перекусить, вот тогда он позовет ее и попросит принести поесть, а если ее не окажется рядом, сбегает на кухню, положит сам себе еду на тарелку, устроит все на подносе и вернется в комнату, на диван и, не отрывая глаз от движущихся человечков, примется за еду... Странные существа эти мужчины! А что, если было бы все наоборот? Она бы время от времени забегала к нему домой, а он ждал бы ее с горячим ужином, выкупанный, надушенный, в красивом костюме, при галстукe, ухаживал бы за ней, подливал вина в бокал, потом бы мыл посуду... А она, Маргарита, усевшись перед телевизором, где идет очередная се-

рия какой-нибудь мыльной оперы, перестанет замечать его, не услышит того, что он скажет ей... «Дорогая, я жду ребенка...» – «Какого еще ребенка?.. Подожди ты, здесь такое...» Это было даже не смешно.

– Валера, я была у врача...

– Заболела? – он даже не повернул головы.

– Я бы не назвала это болезнью... – она вдруг почувствовала, как сильно покраснела. Не так она хотела бы рассказать о своей долгожданной беременности! Ведь она уже не так молода, и до этого времени ей не удавалось забеременеть. Ни разу. Она думала уже, что бесплодна, и вдруг... такое! Такая радость, плоду уже два с половиной месяца! А что, если она ошиблась в этом мужчине и он никогда не собирался строить с ней семейные отношения?

Как правильнее и тактичнее сказать ему: «Я жду ребенка» или «Мы ждем ребенка»? Вряд ли «мы». Это она ждет ребенка, как ждет и изменений в их отношениях. А ему-то этот ребенок к чему? Разве он входит в его «американский» план? Да и она сама, Маргарита, входит ли? Быть может... Нет, она не хотела даже думать о том, что он использует ее. Хотя чувствовала, что он, даже находясь рядом с ней, всегда мысленно был где-то далеко, и хорошо, если не с другой женщиной... Замкнутый, неразговорчивый, но увлекающийся, темпераментный, сам в себе... Вот такие мужчины почему-то и привлекают женщин...

– Я беременна, Валера.

Она подняла голову с каким-то вызовом и сжала губы. Что он сейчас ей скажет? Что? Как отреагирует?

– Подожди... – он нахмурил брови, глаза его, не отрываясь, смотрели на экран. А потом он вдруг резко откинулся на спинку дивана и выругался, с досадой и злостью, а на лице его появилось выражение полнейшего разочарования. – Продули, идиоты...

Она встала и быстрым шагом направилась в кухню – зализывать раны...

– Пива холодного принеси, а! – бросил он ей вдогонку. И вдруг: – Я не понял, что ты сказала о больнице...

Она вернулась, матч-то закончился, встала в дверях и, глядя на Валерия с каким-то отчаянием, смешанным со стыдом, словно она совершила по отношению к нему предательство, проговорила, смущаясь:

– Я беременна. Что скажешь?

– Рожай, ты уже не девочка, – сказал он через вечность. – А то еще одна останешься... Понимаешь, у меня планы другие, ты же все знаешь. Ну куда мы с ребенком? Я хотел тебя взять, правда, но с ребенком будут большие сложности... Вот только, если ты родишь его уже там, в Америке... ребенок, рожденный в Америке, это же совсем другое дело! Ну ладно, Тома, не стой в дверях, ты же шла за пивом...

Больше они к этому разговору не возвращались. Но что-то в их отношениях все-таки изменилось, и не в лучшую сторону: его визиты сократились, а руки его стали словно чу-

жими...

А потом у него появилась женщина. Маргарита это почувствовала, как чувствуют все женщины. Холодное и липкое подозрение теперь отравляло жизнь, держало ее в постоянном напряжении, мешало радоваться тем редким встречам, которые оставались еще от той, прежней жизни с Валерием. Что она могла сделать, чтобы вернуть его, чтобы ее будущее стало и его будущим, чтобы он вернулся к ней? Решение пришло само. Только деньги могли заинтересовать Валерия, только они смогли бы приблизить его к той смутной, на ее взгляд, цели, к которой он стремится. Призрачная Америка, что может быть наивнее и глупее? Кому он там нужен, даже и с деньгами? Да и где он возьмет деньги? Заработает? А где он работает? Чем занимается? Она же ничего о нем не знала! Но все равно, если она раздобудет для него эти проклятые деньги, хотя бы немного, всего несколько тысяч долларов, он уже посмотрит на нее другими глазами, увидит в ней союзницу, женщину, которая готова ради любви пожертвовать тем немногим, на что способна... А на что она способна? Что у нее есть, кроме этой квартиры? Нет, квартиру она никогда не продаст, она не такая идиотка, чтобы лишиться себя последнего, что имеет. Остается машина, пятилетний «Мерседес», оставшийся ей от отца. Наследство. Сколько она может за него выручить?

... Кажется, что так много времени прошло с тех пор, как

она отдала ему эту небольшую пачку долларов. «Вот, возьми, — сказала она каким-то ошалелым голосом, словно не вполне соображая, что делает, но понимая, что сделать это просто необходимо, — я тоже хочу поехать с тобой, я вообще хочу быть с тобой, ты, я и наш ребенок, куда ты — туда и я...» У нее в тот вечер было отличное настроение. Вот только Валерий казался встревоженным, смотрел на нее как-то странно, словно ждал какого-то подвоха... На этот раз она сама пришла к нему домой, неожиданно, без предупреждения, чтобы сказать о своей любви, о своей готовности помочь ему.

— Ты серьезно? Откуда эти деньги?

— Машину отцовскую продала. И чего, думаю, она будет гнить в гараже? Валера, возьми меня с собой... Мне это очень важно. Я люблю тебя. А еще вот, это мои драгоценности, правда, совсем скромные...

И она достала из кармана носовой платок, развернула его, показав золотые колечки, цепочку, две пары серег...

— Может, продашь сам? Я не знаю, как продавать и кому...

Он притянул ее к себе, обнял, прижав ее голову к своей груди, сгреб как-то сильно, нервно, судорожно и поцеловал в макушку. Она обомлела от такой ласки, от такой нежности, такого проявления благодарности, как ей тогда казалось, смешанной со страстью. Он взял деньги, пожав плечами, словно до конца не понимая мотивов такого странного поступка, проявления самопожертвования, потом спро-

сил ее о загранпаспорте («Валера, ну ты же знаешь, что он есть, я же тебе его показывала!» – счастливо залепетала она).

– Так принеси, пусть здесь лежит... Вдруг неожиданно сорвемся...

Он так и сказал: «сорвемся». Словно ждал команды. Или денег. Внезапных, больших денег. Но ей было все равно, вор ли он или мошенник, авантюрист, проходимец... Вот, проходимец: проходит мимо кого-нибудь и прибирает к рукам то, что плохо лежит, проходит мимо, оставляя после себя запах гари или серы... Но как же ей хотелось тогда пройти с ним мимо всей этой опостылевшей и полной тяжелой работы и безысходности жизни, мимо, чтобы ворваться, влететь на белоснежном лайнере в другую жизнь, чистую и красивую, как само небо.

– Может, мне и сумку собрать?

– И сумку собери, только небольшую. Все самое необходимое. Но главное – документы... Паспорта, дипломы... Хотя кому они там, эти дипломы, понадобятся...

Как же смутил он ее разговором о дипломах. Значит, действительно планировал взять ее с собой.

В тот день она вернулась домой сама не своя от радости. Она задыхалась от тех картин, что разворачивались в ее голове после разговора с Валерием. Почему-то в них было много пальм и солнца, должно быть, такой она представляла себе далекую и манящую Америку.

Она так разволновалась, что ей стало плохо. Дрожащим

пальцем она била по кнопкам телефона, вызывая «Скорую»... Жизнь уходила из сорвавшегося с оси плода, хлестала где-то внутри нее фонтанирующей кровью, заполняя живот теплой и страшной дрожью... В больницу ее привезли в тяжелом состоянии – и уже без ребенка... Он был исторгнут из нее самовольными, упрямыми мышцами еще в машине «Скорой помощи». Да, именно против ее воли, словно организм ее уже успел подчиниться воле мужчины, который не хотел этого ребенка. Только спустя два дня она смогла прийти в себя настолько, чтобы сообразить позвонить Валере и рассказать о случившемся. Она сообщила ему адрес больницы, номер корпуса, палаты... Но он не пришел. Ни разу. Только позвонил дважды, чтобы узнать, как она. Маргарита плакала в трубку, шмыгала носом и не могла крикнуть ему: «Приходи, мне так нужно тебя сейчас увидеть, мне так плохо, так больно...» Она звонила ему часто, пока не кончились деньги на телефоне, и всегда плакала. Не могла остановиться. Он молчал, слушал ее, думал, наверное, что она истеричка, что совершенно не умеет держать себя в руках, зачем она ему – такая...

А потом он исчез. И телефон его перестал отвечать. «Он меня обманул, взял мои деньги и уехал. Сам. Один».

Она встала под душ, чтобы смыть с себя больничные запахи, надела легкую и удобную одежду и поехала к нему. Откуда-то взялись силы... Ехала в метро и спрашивала себя: если, к примеру, он не любил ее и не хотел, чтобы она оста-

валась с ним, зачем тогда он дал ей ключи от своей квартиры? Но ведь оставил, оставил...

Но квартира была пуста и походила на ее, Маргаритину, пустую и пыльную солнечную квартиру. Отсутствие хозяев превращает комнаты в пыльные коробки, «как из-под ботинок», подумалось ей в ту минуту, когда она, распахнув створки шкафа, увидела, что Валера уехал действительно налегке: все плечики были заняты костюмами, пиджаками, куртками, джинсами... Удивительно аккуратными умеют быть некоторые мужчины...

Вот только денег и своих документов она нигде, разумеется, не обнаружила. Ходила, убитая подозрениями, по квартире, качала головой, вздыхала и искала улики: женские штучки вроде щетки для волос, помады, халатика... Но не нашла. Только сделанная быстрой торопливой рукой запись на обоях, в передней, над столиком с телефоном: 245-09-5... Откуда этот телефон? Раньше его на стене не было, в этом Маргарита не сомневалась... Она быстро переписала номер к себе в записную книжку. Она потом из своей квартиры позвонит и попытается выяснить, кто скрывается за этими нацарапанными на обоях цифрами... А что делать сейчас?

Заглянула в холодильник... Глаза ее засветились надеждой: на полочке стояли пластиковые контейнеры с салатами: оранжевый – с корейской морковью и розовый – селедка под шубой. Еще – завернутый в фольгу довольно-таки приличный кусок корейки, две груши... Нет, он не мог уехать, пред-

варительно купив свои любимые салаты и корейку! Значит, он здесь, в Москве... А деньги положил в банк для надежности, у него вон какие хлипкие замки в двери, вот он и подстраховался...

Маргарита не поленилась, достала один контейнер, открыла... Так и есть. Салат прокис и покрылся плесенью. И это в холодильнике... Стало быть, Валеры в Москве все-таки нет. И нет давно, больше недели... Где он? И почему не выбросил продукты? Тем более если он знал, что уезжает навсегда... Так, стоп. Он не мог уехать навсегда, не продав свою квартиру или не сдав ее... Боже, а что, если он сдал ее кому-то, а она, Маргарита, открыла дверь и вошла в квартиру, в которой живут посторонние люди, мужчина... Точно, мужчина. И одежда частично может принадлежать ему... квартиранту...

Расстроенная, она покинула квартиру и вернулась домой. И чем ближе она подъезжала к дому, тем меньше оставалось надежды на то, что она когда-нибудь еще увидит своего возлюбленного. Возлюбленный! Как она могла полюбить человека, который никогда не любил ее, все поступки которого, выдающие самовлюбленного эгоиста, она оправдывала до самого конца... Который бросил ее в тяжелую минуту, ни разу не навестил в больнице и исчез из ее жизни, прихватив напоследок все ее деньги, драгоценности и никому не нужную преданность? Быть может, она и сейчас кинется его оправдывать, искать весомые причины, не позволившие ему при-

ехать к ней в больницу? Да, конечно, его переехал трамвай (не дай, господи), он подцепил птичий грипп или отравился грибами... Да с такими «Валерами» никогда и ничего не случается.

Дома ей захотелось выть, как воют собаки: тихо, протяжно, отчаянно... Маргарита вскипятила чайник, приготовила себе чай и включила телевизор. Вот оно, спасение от вязкой тишины, от смертельной тоски, навеваемой едва слышимыми больничными запахами, исходящими от сумки, которую она принялась разбирать сразу же, как только вернулась... Простыни в цветочек – в стирку, ночные рубашки – в стирку, бокал и ложку с вилкой – в раковину, пакет с лекарствами и бинтами... Вот он, этот запах... Не поленившись, она вынесла его и выбросила в мусоропровод... Потом вымыла посуду и села пить чай. Голос диктора заполнил квартиру, он рассказывал Маргарите о том, как где-то, очень далеко от ее дома, проснулся вулкан, а в другом месте цунами разрушило прибрежные отели и смыло пляжи вместе с людьми... А одна женщина родила сразу пятерых мальчиков... Жизнь и смерть шли рядом, взявшись за руки. И надо стиснуть зубы и жить дальше, что бы ни происходило...

Она вспомнила о телефоне. Достала записную книжку, пробежала взглядом по цифрам. Отчего-то в этот душный летний день ей стало зябко. Маргарита набросила на плечи кофту, села перед телефоном и напряглась. Набрала номер. После длинных волнующих гудков услышала высокое деви-

чье:

– Да? Слушаю?

– Добрый вечер... Скажите, имя Валерий вам о чем-то говорит?... – спросила она замогильным голосом, чувствуя, как по телефонным проводам утекают ее последние силы. Девчонка на другом конце провода тоже затаилась.

– А в чем, собственно, дело? – наконец донеслось до Маргариты. – Вы кто ему будете?

– Сестра, – выпалила она, укрывшись за нейтральностью этого так удачно выбранного слова. – Я сестра Валеры... Вы же давно его не видели?..

Она бросила эту фразу и сжалась внутренне, боясь услышать: с чего это вы взяли, он стоит рядом и пьет пиво, правда, Валера?

– Давно, давно! Где он? Что вы о нем знаете?

– Вас как зовут?

– Катя, – ответила девочка с готовностью.

– У меня для вас, Катя, от Валеры записка... Он сейчас в отъезде...

В трубке всхлипнули. Как же ее припекло, бедняжку...

– Успокойтесь... Давайте встретимся завтра, в десять часов...

Девочка была готова встретиться хоть сейчас и где угодно.

Маргарита вдруг зажмурилась, словно Катя, потенциальная любовница Валерия, через графитовый порошок телефонной трубки успела ослепить ее своей молодостью, кра-

сотой и пышущим здоровьем юным телом, и, собравшись с духом, назвала место встречи. Рука ее, ослабев, положила трубку... Голос диктора («Из Атлантики по направлению к Соединенным Штатам на всех парах несется новая угроза – пока еще скромно именуемая тропическим штормом „Рита“, но постепенно набирающая силу и энергию от теплых вод Карибского моря, грозящая...») продолжал убеждать ее, что не только ей плохо, что весь мир страдает («...в любую минуту превратиться в ураган... существует опасность, что, войдя в Мексиканский залив, „Рита“ не только превратится в большой ураган – третьей категории или выше, – но и выйдет на берег Луизианы, еще далеко не оправившейся от „Катрины“ – самого разорительного урагана за всю историю страны...»).

Какой шторм, какой ураган?.. Она потеряла ребенка, любовника... И Маргарита разрыдалась.

7. Москва. Июнь 2005 г.

Лиля. Желтухин. Мопассан

Через два дня после незабываемого поминального обеда к Лиле вновь пожаловал Желтухин. Он был бледен, как никогда.

– Входите, – Лиля впустила очередного фантома, решив про себя, что на этот раз она будет более бдительной и не оставит его одного ни в кухне, ни в комнате. Да и двери за ним она заперла тщательно, на все замки.

– Проходите, Борис, вы знаете, со мной в последнее время что-то происходит... То ли сны такие правдоподобные снятся, то ли с психикой что-то не в порядке... Вот вы пришли сейчас, да? Скажете мне: Лиля, выходи за меня замуж. И я отвечу вам: хорошо, Борис, я согласна. Скажу и сразу же пойду на кухню, предположим, чтобы взять в буфете вино или включить чайник... Вернусь, а вас уже нет. Что вы на меня так смотрите... Думаете, я все это придумала? Ничего подобного. Вы уже приходили, ведь так? Или вы существовали только в моей фантазии?

Борис смотрел на нее со странным выражением лица, причем так долго и пристально, что Лиля даже смутилась. К счастью, на этот раз она выглядела превосходно, она вообще взяла теперь за правило всегда выглядеть так, словно к ней

придут свататься. У нее раньше не было такой привычки, потому что никто не просил ее руки, а теперь, когда к ней привязался этот Желтухин, какой-никакой, а стимул есть. Сегодня, к примеру, на ней было очень шедшее к ней черное платье с маленьким белым воротничком. Лилия почувствовала, что нравится Желтухину, настоящий он или нет, ей было все равно.

– Але, вы слышите меня? Что скажете?

– Вы, Лилечка, чудесная девушка, и я действительно пришел к вам, чтобы сделать вам предложение... Но прежде я этого не делал... Разве что мысленно...

– С цветами приходили?

– В смысле?..

– Когда представляли себе, что идете ко мне, у вас в руках были цветы?

– А... Ну да, конечно, большой такой букет... Вы еще попросили отнести цветы на кухню...

– У меня было что-то с лицом?

Но Борис не понял ее и выглядел очень растерянным.

– А потом вы мысленно же принесли мне торт и снова сделали предложение?

– Откуда вам это известно, Лилечка? Конечно, я по-всякому представлял себе нашу встречу. Я же волновался. И сейчас волнуюсь. Думаю, а вдруг вы мне откажете?

– Борис, но мы же мало знакомы. Вы меня вообще не знаете. Можно, я дотронусь до вас?

Он покраснел. Как настоящий. Кивнул головой, и Лиля провела ладонью по его щеке, потом спустилась ниже, дошла до пояса и остановилась. Вспомнила Бантышева. Зачем ей Желтухин, когда она провела уже две ночи с Сережей? Он, правда, в отличие от Бориса не делал ей предложения, но зато вел себя так, словно они были близки уже давно, и Лиле было так уютно и сладко спать с ним рядом, устроившись на его мягком, с впадиной как раз для ее головы, плече, что она согласна была бы жить с ним на одной лестничной площадке, как близкая соседка, но только чтобы он проводил с ней ночь. Она и сготовит ему, и носки постирает, и приберется в квартире. Да и с Катей она ладит, ей нравится Катя, несмотря на то что девочка совсем расклеилась... Они с Катей подружатся, Лиля в этом нисколько не сомневалась. Она знала, что Бантышев очень богат, но искренне призналась сама себе, что ее это нисколько не тревожит. Богатство – это, конечно, хорошо, но Лиля привыкла сама зарабатывать себе на жизнь, поэтому в случае чего она и Сережу с Катей прокормит. Она даже представляла себе, как они, Бантышев с дочерью, приходят к ней домой, садятся в кухне за стол и она наливает им суп... Поэтому к чему ей размениваться на странного Желтухина? К тому же всем было известно, что он умирал по Ирине Бантышевой. Иры не стало, и два мужика словно осиротели и бросились искать утешения у Лили... Какие же они все-таки дети...

– Пойдемте на кухню, сейчас будем пить чай. Или, быть

может, хотите кофе? Идемте-идемте, я вас одного уже не оставляю. Мне хочется понять – вы настоящий на этот раз или нет?

– Лилечка, вы же только что потрогали меня... Разве я не настоящий? Вы вот только дотронулись до меня, а меня аж в жар бросило, я почему-то так и предполагал, что так все будет...

– Как? Садитесь, расслабьтесь... Так чай или кофе?

– Все равно, – Желтухин сел, не отрывая взгляда от Лили.

– Так что вы предполагали?

– Что я отвечу на ваше прикосновение со всей страстью...

Вы так подействовали на меня...

– Борис, держите себя в руках...

– Но я хочу вас, Лилечка... Хочу, чтобы вы еще раз дотронулись до меня...

– Борис, не надо этого... Вот скажите лучше, зачем вы ко мне сейчас пришли?

– Я люблю вас, Лилечка, и хочу на вас жениться. У меня и квартира есть, так что вашу квартиру... твою квартиру ты сможешь сдавать и вообще делать с ней все, что угодно, это твое дело.

– Вы то на «ты» ко мне обращаетесь, то на «вы»... Что с вами?

– Страстно желаю тебя, Лиля, я не хочу ни чая, ни кофе...

Она зажмурилась. Потом открыла глаза. Желтухин стоял перед ней и трясущимися руками расстегивал рубашку.

– Тебе может показаться, что я худой, но на самом деле я спортивный, у меня твердые мускулы, я жилистый, тебе понравится мое тело...

– Борис, остановитесь! Я не хочу вас!

– Но ты же сама сказала, что представляла уже мой приход и даже то, что я делаю тебе предложение, значит, ты думала обо мне... Я снился тебе, наконец!

– Я просто рассказала вам о том, что происходит со мной... Видимо, это расстройство психики... Но я не люблю вас, понимаете? Я люблю другого человека...

– Пойдем ляжем, а потом ты мне все-все расскажешь... Ну же, Лиля, все равно никто и никогда не узнает...

Желтухин, конечно, интересный мужчина, и его слова обожгли ее слух, да и колени почему-то ослабли, и она бы уступила ему, не случись в ее жизни Бантышева... Даже если Сережа больше не придет к ней, все равно она не может вот так сразу взять и переметнуться к Желтухину.

Лилия быстро схватила стакан, набрала холодной воды и плеснула в лицо своему перевозбужденному гостю. Желтухин ахнул, вскочил со стула и схватился за лицо так, словно ему плеснули в глаза соляной кислотой...

– Извините, но у меня не было другого выхода... К тому же, если вы сейчас даже и исчезнете, то я увижу хотя бы брызги на полу и пойму, что вы все-таки были... Вы вот говорите, что любите меня, а совсем не слушали, что я вам говорила о своем самочувствии...

– Вы извините меня, Лилечка, я действительно вел себя как свинья...

Желтухин, присмиревший, уже застегивался на все пуговицы и боялся посмотреть Лиле в глаза.

– Вы такая красивая, такая соблазнительная, у вас такая грудь, и волосы, и глаза, и губы... Я просто схожу с ума, когда вижу вас.

– Как же вы быстро забыли Ирину, – вдруг вырвалось у Лили.

– Живое – живым, Ирину все равно не вернуть... Но вы правы, она ушла, и мне стало еще более одиноко... К тому же вы даже если и знали, что я был в нее влюблен, то не имели права думать, будто бы у нас с ней была связь. Воздушная, платоническая, если хотите, любовь. Она подпитывалась исключительно нашими встречами здесь, у Сережи, да взглядами. Односторонними, если быть до конца честным.

– А я вас ни в чем и не подозреваю.

– Хотя у меня была причина увести Иру от Сережи, у него же была Исабель... Вы знаете, кстати, что она ушла? Я звонил Сереже, он сказал мне, что Исабель ушла, прислала даже свою подругу за вещами: та увезла целый джип барахла... Но я не уверен, что эта испанка не вернется. Она не похожа на женщину, привыкшую сдаваться. Она еще появится.

– Не думаю, – осторожно проронила Лилия. – Хотите, я сделаю вам бутерброд?

– Сделайте, – Желтухин пожал плечами. Он пригладил ру-

ками свои потемневшие от воды волосы и вздохнул. — Я должен извиниться перед вами?

— Да не извиняйтесь. Видимо, я сама дала вам повод. Начала рассказывать вам о своих видениях, где вы были в главной роли. Думаю, любой мужчина на вашем месте возомнил бы себя главным героем моих внутренних романов...

— Но я ведь тоже думал о вас и действительно представлял себе, как прихожу к вам то с цветами, то с тортом...

— А почему же в этот раз пришли с пустыми руками? — расхохоталась Лиля, успокоившись, что видения наконец-то отпустили ее и что она видит перед собой настоящего, живого Желтухина.

— В моих фантазиях вы всегда отказывали мне... И я решил, что лучше приду ни с чем, вот тогда вы примете мое предложение...

— Какой у нас с вами странный разговор...

— Да и мы странные, вы не находите, и даже чем-то похожи друг на друга... Странно, что мы нашли друг друга, познакомились... Вы помните, когда это случилось?

— Конечно... Я видела вас, конечно, у Бантышевых, но мельком, зайду, к примеру, к Ирине за чем-нибудь, а вы там... Но нас не представляли... Мы познакомились в день ее похорон... Я еще много выпила.

— Но это простительно, — поторопился успокоить ее Желтухин. — Вы так расстроились.

— Не то слово... И я действительно много выпила...

– Помнится, вы и тогда говорили что-то такое, от чего у меня волосы на голове зашевелились... Но я же не знал тогда, что у вас бывают видения...

– Еще какие... Ведь вы же помните эти похороны... Народу – почти никого. Сережа, бедный, он не успел, они с Катей не успели... И это удивительно, что я тогда дома оказалась и из окна увидела гроб... Моя соседка умерла, а я узнала об этом случайно!

– Я и сам действовал как во сне... Но когда вы вышли, чтобы проститься с ней...

– Борис, вы поймите, то, что я сказала, было чистой правдой. Но, по-видимому, это особенности природы... Помните, как у Мопассана?.. Подождите, я даже сейчас принесу книгу...

– Какую еще книгу? О чем вы, Лиля?

Но она молча выбежала из кухни и очень быстро, боясь, что Желтухин и на этот раз исчезнет, вернулась, держа в руках книгу в красивом переплете, совсем новую.

– Вот, пришлось купить, чтобы проверить свои ощущения... вернее, впечатления...

– Мопассан? Роман «Милый друг»? Я что-то не совсем понимаю... Какая связь?

– Вот, у меня тут закладка... Хотя, подождите, я вам напомню... Дюруа, Форестье...

– Да я отлично помню этот роман, Дюруа такой негодяй...

– Дело не в нем, а в трупe Форестье... Мужчина умер, его

жена и Дюруа дежурили ночью возле покойника, и вот что с ним случилось...

– С кем? С Дюруа?

– С такими ничего не случается. Я имею в виду покойника, Форестье... Да вы сейчас и сами вспомните эту отвратительную сцену...

– У Мопассана их много, этих отвратительных сцен...

– Вот, слушайте. – Лиля раскрыла книгу и прочитала не без волнения: – «Дюруа посмотрел на труп и вздрогнул.

– Смотрите! Борода! – вскрикнул он.

За несколько часов это разлагавшееся лицо обросло бородой так, как живой человек не обрастет и за несколько дней. И они оба оцепенели при виде жизни, еще сохранявшейся в мертвеце, словно это было некое страшное чудо, сверхъестественная угроза воскресения, нечто ненормальное, пугающее, нечто такое, что ошеломляет, что сводит с ума».

– Лиля, но при чем здесь борода... Мы говорили о похоронах Ирины...

– Вот и я о том же. Борис, не забывайте, что я была не только ее соседкой и немного подругой, но еще и маникюршей. Я ухаживала за руками женщины, в которую вы были влюблены...

– Я понимаю, и что? При чем здесь Мопассан?

– Кто тогда больше выпил: вы или я?

– Думаю, мы оба тогда набрались... – согласился Борис. – Но у меня было больше сил, и я отвел вас домой, уложил в

постель... Но вы не хотели спать и говорили очень странные вещи... бредили, наверное.

– А вот и нет. Я все отлично помню. Да поймите же вы, наконец, что за двое суток до смерти Ирины я делала ей маникюр. Вы вообще-то представляете себе, что это такое?

– Ну там... лак на ногтях...

– Я срезала всю лишнюю кожу возле ногтя, если говорить обычным, не профессиональным языком. Так вот, когда я прощалась с Ириной и наклонилась над ней, чтобы поцеловать ее в лоб...

– И вы готовы были поцеловать ее... в лоб?.. Ведь она же почти разложилась, она пролежала в квартире несколько дней... Ее поэтому-то и прикрыли прозрачным газом...

– Я была не в себе... Но я увидела открытые, сцепленные на груди ее руки... Ее пальцы. Форма их изменилась, да и ногти выглядели неухоженными, заросшими... Теперь вы понимаете, почему я прочитала вам отрывок из этого романа? Она умерла, а кожа вокруг ногтей продолжала расти, да и форма пальцев изменилась... Меня это не могло не удивить, поймите! Кроме этого, вы, мужчина, дали людям, которые одевали покойницу, розовые туфли, которые подошли бы разве что Золушке...

– А при чем здесь туфли? Лиля, что вы пугаете меня? Я увидел туфли в спальне, на ковре, красивые, розовые... Взял первые туфли, которые попались на глаза. В чем вы меня хотите упрекнуть?

– Эти туфли слишком малы для Ирины, для ее ног. Это тридцать третий размер, очень редкий...

– Но как же эти туфли оказались в ее спальне? Разве они были не ее?

– Нет, ей принесли их, чтобы она предложила одной своей знакомой с маленькой ногой... Туфли страшно дорогие... Зачем вы втиснули Ирину в эти туфли? Разве не было других?

– Это не я... Да и какая разница...

– Просто я любопытна. Что же это получается: кожа после смерти человека продолжает расти, а ступни уменьшаются в размерах?..

– Лиля, мне не по себе становится от ваших разговоров...

– А вы знаете, что хозяйка этих туфель приходила к Сереже, спрашивала про туфли, даже искала их? Кажется, он выплатил этой особе стоимость туфель...

– Я скажу ему, что они были на Ирине...

– Но согласитесь, что я здесь ни при чем, что туфли-то мне не померещились...

– Туфли – согласен, но то, что ты сказала про ногти...

– Борис, мне и самой не по себе от этих разговоров... просто хочется проверить себя, вдруг у меня что-то с головой... Вот я сижу, разговариваю с вами, а сама думаю: не привиделся ли мне этот мужчина?

– Нет, не привиделся... Хочешь, я поцелую тебя по-настоящему?

– Нет-нет... – Она вдруг прониклась к Борису теплым, искренним чувством симпатии. – Я, наверное, должна вам кое о чем рассказать...

– Что именно? Снова фантазии?

– Нет. Мне нравится ваш друг, Сергей Бантышев. Мне даже кажется, что я влюблена в него...

– Так в чем же дело? Исабель-то ушла! – брови его взлетели, а лицо осветила неожиданная улыбка.

– Вы как будто бы не огорчились...

– А что я могу поделать, если ты любишь его, а не меня? Я очень хорошо понимаю Сережу...

– Вы правда на меня не сердитесь?

– Нет, не сержусь. Я даже буду рад, если у вас с ним все получится...

– Я не собиралась говорить, но и обманывать не хочется... Вдруг вы бы пришли ко мне, а у меня – Сергей... Вот только мы не знаем, как Кате сказать...

– Я могу ее подготовить... Но лучше, если она сама все поймет, прочувствует...

И он ушел. Поцеловал, правда, на прощание и ушел.

Лиля вернулась на кухню – на полу все еще сохранились капли воды. Значит, он был. Был...

8. Москва. Ноябрь 2005 г. Бантышев. Катя

Бантышев услышал, как Катя поет, и замер. Отложил в сторону газету и прислушался. Нет, он не мог ошибиться, это действительно голос Кати, и она поет... Он задрал рукава на рубашке – мурашки покрывали заросшие шерстью руки... Как же он обрадовался. Совсем как тогда...

Так случилось в жизни Бантышева, что его жизнь теперь была поделена на две части: до смерти Ирины и после. Это обычное состояние для вдовцов. Но если кто-то и мог раскрыть душу, чтобы облегчить свои страдания, дать выход своим эмоциям, слезам, наконец, то только не Бантышев. И не потому, что он был таким сильным человеком. Просто ему было некому поплакаться. Единственный друг, Борис, оказался не тем человеком, уже хотя бы потому, что именно Сергея считал косвенно виновным в смерти жены. Весь его вид, каждый взгляд – все свидетельствовало о том, что Желтухин в душе презирает Сергея за его связь с Исабель. И что самое ужасное в этой истории – Сергей и сам чувствовал свою вину. Причем не столько перед Желтухиным, сколько перед Катей. Что – Желтухин? Мужик, который рано или поздно забудет Ирину, да и любовь свою к ней он тоже, скорее всего, выдумал. А вот Катя... Бантышев начал бояться

своей дочери в тот самый день, в Крыму, когда они вдвоем нежились на пляже, а потом пришла телеграмма от Бориса, в которой сообщалось о смерти Ирины. И не только о ее смерти, но и о похоронах. Ему тогда показалось, что над пляжем пронеслась длинная и долгая черная тень Исабель... Словно она, эта дьяволица, прилетела в Крым специально для того, чтобы увидеть всю ту слабость и растерянность, которая составляла основу характера ее любовника. И если бы не его гениальные мозги, он просто пропал бы... Он и сам удивлялся, как это ему удалось создать свое государство в государстве, свой бизнес, когда в нем так мало внутренней силы и основу его жизнедеятельности составляют лишь сплошные идеи... Вероятно, и такие люди нужны, быть может, и бесхарактерные, но обладающие глубокими познаниями в чем-то другом... Ведь только в тандеме с Ванькой Потаповым, его теперешним заместителем, мужиком железной хватки и воли, возникла эта мощная корпорация «Амбра-лайн», и если бы не Ванька с его гениальными организаторскими способностями и талантом общения с людьми, Бантышев так и жил бы на зарплату программиста, хотя, быть может, и сделался бы хакером...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.